

УДК 61; 930.1

Н.П. Шок

ДОКСОГРАФИЯ ТЕРТУЛЛИАНА И ЕЁ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ИСТОРИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ. ЧАСТЬ I

Освещается проблема изучения обстоятельств накопления медицинских данных вплоть до научной революции XVII в. Подробно рассматривается вклад одного из раннехристианских авторов с целью проведения комплексного анализа его отношения к естественным наукам в целом и медицине в частности. Уделяется внимание важному представителю патристики – Тертуллиану, который часто обвинялся в негативном отношении к науке.

Ключевые слова: история науки, история медицины, Тертуллиан, естествознание, доксография.

Изучение обстоятельств накопления медицинских знаний вплоть до научной революции XVII в. тесно связано с рассмотрением вопроса: почему представления язычника Галена о философии и медицине были позитивно восприняты новым, христианским миром. Для начала важно понимать, что в силу сложившихся в научной литературе первой половины XX в. тенденций этот анализ не осуществлялся (да и не мог быть осуществлен) в силу доминирования тезиса о конфликте науки и религии. С нашей точки зрения, такое утверждение сомнительно. Причина лежит в плоскости доминирования в западной истории вплоть до 80-х гг. XX в. «теории конфликта» науки и религии, основоположниками которой были Д. Дрейпер («История конфликта между религией и наукой») [1] и Э. Уайт («История войны науки с теологией») [2]. Второй важной историографической доминантой стала «виговская» (прогрессивная) концепция науки, которая также в настоящее время подвергается пересмотру. В рамках такого подхода многие исторические примеры искусно подстраивались под западную концепцию. В отечественной историографии работы, связанные с данной проблематикой, давно заняли место в научном обороте исследователей богословия и истории церкви. При этом они не входят в зону внимания историков науки. С конца 90-х гг. XX в. доминирующей в историографии стала концепция «сложности взаимоотношений», которая предполагала различные типы взаимодействий – от конфликта до синергии – на различных исторических этапах. Именно преодоление этого тезиса позволило ведущим западным ученым конца XX в. обратиться к беспристрастному анализу отношения христианства к науке в период II–III вв.

История науки (и история медицины) начала XX в. сформировалась в рамках парадигмы конфликта с религией. С другой стороны, история науки в течение XX в. была столь богата собы-

тиями, которые необходимо было осмыслить. Все это объясняет отсутствие системного интереса историков медицины к событиям I–III вв.

На наш взгляд, ответ на этот вопрос лежит в плоскости анализа религиозно-философской системы, предложенной раннехристианской мыслью. Эта система стала продуктом синтеза христианского богословия и греческой философии, произведенного отцами христианской церкви II–III вв.

Анализ «медицинской» темы в текстах книг Священного Писания осуществлялся неоднократно. Совершенно ясными представляются две вещи: во-первых, они не содержат негативного отношения к ученым в целом и врачам в частности; во-вторых, в вероучительных текстах, повествующих в том числе о важнейших событиях земной жизни Бога, воплотившегося в человеческом теле, и его непосредственных учеников – апостолов – нет и не может быть апологетики естествознания в том или ином виде – они просто совершенно о другом. Мы делаем на этом акцент потому, что в современной историографии существует не вполне корректный подход к вопросу понимания «христианства в науке», исходящий именно из требования апологетики науки. Здесь важно уяснить, что Библия формирует у своего читателя спокойно-доброжелательное восприятие многих аспектов жизнедеятельности человека, в том числе медицины [3].

Из анализа историографии, посвященной вопросу отношений религии и науки в целом, равно как и из работ авторов, оценивавших эту проблему применительно к христианству и медицине в I–III вв., в частности, очевидно повышенное внимание к фигуре Тертуллиана [4–7].

В зарубежной научной литературе Тертуллиан часто обвиняется в негативном отношении к науке [4]. В определенном смысле уместно утверждать, что резкие оценки Тертуллианом языческой фило-

софии стали «визитной карточкой» для ученых, обвинявших христианство в войне с наукой. В данной работе предпринята попытка максимально подробно разобрать работы Тертуллиана, касающиеся его отношения к науке. Корпус трудов Тертуллиана хорошо известен специалистам, имеются несколько версий перевода их на русский язык [8–10]. Биография его также достаточно изучена. Учитывая западноевропейское происхождение современной науки, важно, что Тертуллиан (Квинт-Септимий-Флоренс) был первым значительным христианским богословом, писавшим на латинском языке. Тертуллиан родился в Африке около 155 г., до своего обращения в христианство он жил обычной жизнью аристократической языческой среды. Африканская церковь того периода представляла собой необыкновенное явление: христианство пришло туда во II в. и распространилось на территории Магриба (нынешние Алжир, Тунис и Марокко) – большой римской области, населенной финикийцами и карфагенянами, говорившими по-латыни. Он получил отличное светское образование – изучал философию, право, медицину и в конце концов стал юристом – обычная в то время карьера для юноши из обеспеченной семьи.

Некоторые патрологи, несмотря на латинский язык работ Тертуллиана, упоминают его в ряду деятелей Александрийской школы. Другие (особенно католические) авторы видят в его трудах отдельную линию в патристике. Александрийская школа имеет для нашего исследования огромное значение, поэтому нам важно иметь в виду, что, формально не принадлежа к числу грекоязычных деятелей Александрийской школы, он, живя в Карфагене, безусловно, находился под влиянием александрийского образования.

После обращения в христианство в Карфагене около 193 г. Тертуллиан стал пресвитером, но потом переехал в Рим, где имел обширную юридическую практику. Помимо этого, он много писал, в основном на богословские темы. Тон его сочинений – резкий, страстный, полемический – типичен для многих африканских писателей, подобно Тертуллиану обладавших сложным и оригинальным характером, в котором аскетическая суровость сочеталась с пылким стремлением к истине и беспощадной непримиримостью к противникам.

Подобно Татиану и многим другим личностям, склонным к экстремизму, Тертуллиан отошел от православия и после 207 г. впал в монтанизм – ересь, утверждавшую, что во Христе не получена конечная полнота Откровения, что Откровение не закончено, но находится в процессе завершения благодаря действию Святого Духа. Основатель

монтанизма, Монтан, отвергал иерархическую организацию Церкви и утверждал, что ее руководство должно принадлежать особым вдохновенным «пророкам» (харизматикам). Монтанистская группа, основанная Тертуллианом в Африке, оказалась живучей и существовала еще в V в.

Активная писательская деятельность Тертуллиана относится к 193–220 гг. (он умер вскоре после 220 г.). Она совпала с правлением Септимия Севера и Каракаллы. Биографические сведения о нем мы находим в его сочинениях, а также у Иеронима и Евсевия [11].

Сочинения Тертуллиана чрезвычайно важны для истории церкви и интересны в философском отношении. Они издавались несколько раз, например, в Париже в 1616 г. (J. Pamelii), там же в 1634 г. (Rigolti), в Галле в 1770 г. (Semler), в Лейпциге в 1852–54 гг. (Oehler).

Представители русской патрологической школы (например, крупные ученые начала XX в. И.В. Попов и Н.И. Сагарда) характеризуют Тертуллиана следующим образом: Тертуллиан – типичный христианский писатель II – начала III в. на африканской почве; множество бытовых зарисовок, рассеянных в его сочинениях, делают их незаменимыми для историка культуры; Тертуллиан – это характерный пример латинского, западного католического писателя, занятого по преимуществу вопросами практическими в отличие от восточных христианских писателей.

Тертуллиан – человек блестящего образования, писавший и на греческом языке (греческие тексты его сочинений утрачены). Тон его работ почти всегда полемический; противников своих он не щадит, нередко прибегает к резкостям и софистике. Стиль вполне соответствует оригинальному характеру автора: приподнятый, порой трудный для понимания, богатый сравнениями и антитезами; мысль часто выражена кратко, метко, почти афористично. Тертуллиан – прямой предшественник Бл. Августина, один из основателей западного латинского богословия. Добавим к этому, что в плане истории науки вопрос о диалоге христианства и эллинской философии как раз и надо рассматривать в развитии – от Св. Климента до Бл. Августина.

Все произведения Тертуллиана хронологически могут быть разделены на два периода: христианские и монтанистские; по содержанию в том и другом периоде различают сочинения о *христианской жизни*, *апологетике* и *догматике*.

Вот какую характеристику дает ему архиеп. Филарет Гумилевский: «Воображение живое и порывы пламенного чувства увлекали его за

пределы умеренности ... Как остроумие его не всегда естественно, так мыслям не всегда достает силы и еще реже ясности; он более поражает, чем убеждает. Его диалектическое искусство и сила духа изумительны; он разбирает мысль со всей тонкостью; но особенно, когда говорит он как монтанист, остроты его слишком едки и сами говорят не в пользу дела. Нередко глубоким мыслям его не соответствуют выражения; карфагенская латынь, и сама по себе грубая, у Тертуллиана составляет свой язык, в котором мысль чаще остается отыскивать догадкой, чем извлекать из слов».

Обратим внимание на эту характеристику – если Тертуллиана упрекает в избыточной страстности полемики ученый-епископ, специалист по патрологии, то чего же мы ждем от не искушенных в теологии (а зачастую и откровенно предубежденных) историков науки, стоящих на позиции презентистского интернизма? Находясь под влиянием стоической философии, Тертуллиан отразил в своих произведениях и ее методы дискуссии. Они наложили свой отпечаток не только на него – благодаря Тертуллиану католическое богословие испытало на себе известное влияние этой философии в ряде богословских проблем. Как отмечает профессор И.В. Попов, «Тертуллиан впервые выразил в своем учении принципы западного богословия и оказал могучее влияние на его дальнейшее развитие. Замечательно, что им даны были западу богословские формулы, сохранившие свое значение навсегда» [9]. И здесь нас ожидает любопытная историографическая коллизия, позволяющая ставить вопрос об обоснованности некоторых общепринятых в научной литературе оценок (ни больше, ни меньше). Тертуллиан – крупный христианский философ и писатель. В отличие от Антония Великого, бывшего прежде всего монахом (и наследие его письма, и наставления на пути аскетического умного делания), Тертуллиан – апологет, много вступавший в полемику с язычниками, иудеями, представителями различных ересей. Он выступает как раз на интересующем нас интеллектуальном ристалище. Мало того, классическую оценку взглядов можно суммировать так: твердолобый православный ригорист, жестко третирующий языческую мудрость. Однако эту историографическую доминанту следует оценить как ошибочную и отвергнуть. Да, Тертуллиан действительно презирает языческую философию своего времени. Но это вовсе не означает отрицания науки. Сам Тертуллиан – человек

высокообразованный, прекрасно владеющий светской наукой своего времени, в том числе хорошо осведомленный о медицине, которую он представлял вполне в духе линии Гиппократ – Галена. При необходимости он легко прибегает в богословской полемике к использованию понятийного аппарата медицины. Вот только несколько примеров: «Но ты, человек, получил уста для пищи и питья. Почему скорее не для разговора, чтобы отличаться от прочих живых существ? Почему скорее не для того, чтобы прославлять Бога, дабы ты имел преимущество и между людьми. Адам нарек имена животным прежде, чем сорвал с дерева; он также пророчествовал прежде, чем ел. Однако мы получили зубы для того, чтобы жевать мясо и другую пищу. А почему скорее не для того, чтобы несколько украсить открытый рот и зев? Почему не для того, чтобы умерять движение языка и чтобы отдельные звуки речи отмечать ударами. Послушай беззубых и постарайся для чести рта отыскать механизм зубов. У мужчины и у женщины находятся отверстия в нижних частях, конечно, для того, чтобы сладострастия чрез них находили себе выход. Почему эти отверстия не должны считаться более за выделения? Потом женский пол внутри, в теле имеет место, куда стекают семена, или где излишняя кровь отделяется, которую не в состоянии отделять более крепкий пол. Я должен был сказать и об этом, потому что те люди, чтобы представить учение о воскресении смешным, лают, что хотят и как хотят, и пользуются для этого функциями каких им угодно членов, не думая при этом о том, что тогда наперед исчезнут причины для нужды в них: для еды – голод, для питья – жажда, для совокупления – рождение, для трудов – приобретение средств к жизни. Ибо по уничтожении смерти и пища не будет составлять средств к поддержанию жизни, и нижний половой организм не будет беспокоить члены. Но и теперь случается, что кишки и половые органы бездействуют. Моисей и Илия постились 40 дней и питались одним только Богом. Уже тогда предвещались слова: “Не хлебом только живет человек, но и словом Божиим”. Вот силуэт будущей добродетельной силы. И мы отказываем своим устами в питии, насколько можем, и удаляемся от полового соединения. Сколько скопцов добровольных? Сколько дев, вышедших замуж за Христа? Сколько бесплодных того и другого пола, снабженных бесплодными половыми органами? Ибо если и здесь бывает бездействие, и функции членов и последствия

этих функций бывают во временном бездействии, так как они временного устройства, и однако человек остается цел и невредим; тем более будет, конечно, бездействие и тогда, при вечном устройстве, с сохранением целостности и невредимости человека, потому что мы еще меньше будем желать того, чего уже и здесь обыкновенно не желаем» [9. С. 96–98].

Как мы видим из вышецитированного фрагмента, Тертуллиан имеет адекватное представление об анатомии. Однако он прибегает к упоминанию тех или иных органов и физиологических процессов лишь для нужд апологетики, упоминая о них вскользь, лишь к слову. Особенно обратим внимание на фразу об отделении излишней крови в женском организме – за ней стоит адекватное знание принятых в то время в среде ученых-медиков представлений о репродуктивном процессе. Впечатление о том, что Тертуллиан хорошо ориентируется в медицине, усиливается нижеследующим фрагментом. «По крайней мере, это наше тело, которое образовано из глины (истина перенесла это в языческую мифологию), дает знать о своем происхождении из двух элементов: из земли – плотью, а из воды – кровью. Ибо хотя другой есть вид качества, то есть того, что из одного делается другим; однако что есть кровь, как не красная жидкость? Что есть плоть, как не земля в своем собственном образе? Рассмотрим отдельные части: мускулы похожи на глыбы земли, кости – на камни, вокруг сосцов находятся малые камешки. Посмотри на крепко связывающая жилы: они напоминают ветви, корни. Посмотри также на ветвеобразно расположенные кровеносные сосуды: это извилистые течения ручьев. Мягкие волосы это мхи; головные волосы – это дерн; сокровенно лежащие массы мозга – это рудоносные каналы плоти. Все эти признаки земного происхождения были и во Христе, и это есть то, что скрыло его, как Сына Божия» [9. С. 332].

Мало того, он хорошо знал деятелей из истории медицины: «Равным образом медики не получили ли своего имени от Эразистрата, а грамматики – от Аристарха, а повара – от Аниция?» [9. С. 218].

Существуют авторы, которые упрекают его в отрицании фармакотерапии на основании негативных отзывов о медикаментах полумифической Филомелы. Известный американский историк медицины Г. Фернгрэн высказывает сомнение в справедливости этой критики [4]. При внимательном исследовании текстов Тертуллиана нами был обнаружен искомый фрагмент, который

приводится полностью с целью окончательного уничтожения этого аргумента как научно несостоятельного. Это цитата из работы Тертуллиана «К язычникам»: «Псамметих действительно полагал, что он своим умом открыл первый род людей. Ибо рассказывают, что, он, удалив новорожденных детей от всякого общения с людьми, отдал их на воспитание кормилице, у которой отрезал язык, для того, чтобы они, совершенные изгнанники, образовали язык, не слыша человеческой речи, но, производя его от себя, указали бы тот первый народ, который научила говорить сама природа. Первое слово было произнесено *bessos*; им называется у фригийцев хлеб; поэтому фригийцы считаются первым родом. Одно это должно тотчас говорить нам о пустоте ваших рассказов, почему мы желаем указать вам, что вы верите более вымыслам, чем действительности. Можно ли вообще поверить, чтобы по отрезании такого члена и, конечно, с корнем, по приведении в расстройство органа самой души, по выхолощении глотки, которая и снаружи получает опасную рану, по прилитии испорченной крови к сердцу, наконец, по прекращении питания на некоторое время, продолжала жить та кормилица? Но допустим, что жизнь ее продолжалась благодаря медикаментам Филомелы, о которой и самой более благоразумные говорят, что она сделалась немой не потому, что у ней отрезан был язык, но потому, что она была очень стыдлива. Итак, если она жила, то могла проболтнуть что-либо глухо, ибо можно из одной только глотки испускать нечленораздельные звуки без плавного движения губ, без открытия рта, при оцепенении языка. Тогда дети, произнося это легче, несколько плавнее, так как у них были языки, случайно наткнулись на изобретение каких-либо лучших звуков» [9. С. 158–159].

Разве можно сделать из него вывод об отрицании фармакотерапии, как поступают некоторые наши коллеги? Отдельно обратим внимание читателя на предмет самого обсуждения – опыты и, с позволения сказать, «милые развлечения» Псамметиха. Отрезать язык живому человеку, отобрать детей у матери и наблюдать за всем этим годами, как за скотиной, живущей за оградой хлева! Языческая философия – это не только вопросы естествознания, это еще и вопросы этики. Наблюдая за нравами язычников из привилегированных слоев общества, Тертуллиан резко осуждал всю их культуру – в первую очередь, мораль и этику. Можем ли мы удивляться его резкости? Подобный вопрос в современной

научной литературе ставим не только мы, призывая к соблюдению принципа историзма и принятию во внимание социологических соображений [12].

Анализируя отношения Тертуллиана к философии как науке, отметим, что он помогает нам начать отвечать на вопросы, поставленные вначале – он прямо говорит о том, что эллинская философия неоднородна, различные её направления имеют разную ценность.

«Школа Эпикура учит, что после смерти нет ничего. И Сенека утверждает, что со смертью все оканчивается, даже сама смерть. Для нас же достаточно, если философия Пифагора, которая не ниже философии Эпикура и Сенеки, и философия Эмпедокла и платоники, напротив, объявляют, что души бессмертны и, приближаясь к нам, утверждают, что они возвращаются в тела, хотя не в те же, хотя не в человеческие только, так что Евфорба признают в Пифагоре, Гомера – в павлине. Они объявляют, по крайней мере, телесное восстановление души; они свойства ее не отрицают, что терпимее, но изменяют, и истины хотя не достигают, однако касаются ее. Итак, языческий мир признает воскресение мертвых и в то время, когда заблуждается» [9. С. 4–5]. Этот фрагмент важен с точки зрения раскрытия цели статьи – он подкрепляет наши соображения относительно последовательного неприятия христианами натурфилософии Эпикура, высказанного в других публикациях. По мнению Тертуллиана, в определенных античных философских школах есть здоровое зерно: «Их, освобожденных от страха вследствие серьезного сознания собственного достоинства и твердости учения, направляет и против богов некоторое предчувствие истины» [9. С. 166].

Весьма показательным (как пример оспариваемого нами заблуждения) является высказывание Дж. Бернала: «Во времена раннего христианства представление о науке и знании ассоциировалось с ненавистными высшими классами и на них смотрели с подозрением» [13]. С этим мнением не соглашается крупный специалист по творчеству Тертуллиана А.Ю. Братухин: «Материализм Тертуллиана проявляется не только в его утверждениях о телесности Бога, но и в его отношении к естественным наукам. Он чаще других христианских писателей прибегал к объяснениям физиологического характера. Интересуясь результатами естественных наук, Тертуллиан разглядел пользу, которую можно извлечь из них для своих спекуляций. Из светских писателей более всего он уважал именно ученых» [10].

Напротив, другой отечественный патролог Н.И. Сагарда делает акцент на неприязни Тертуллиана к философии: «Ранних христианских авторов можно разделить на две категории. К одной относятся писатели церковно-спекулятивного направления, терпимо относящиеся к античной культуре; это, прежде всего, Иустин, Климент Александрийский, отчасти Афинагор. К другой – непримиримые враги (по крайней мере, на словах) всего языческого, включая искусство и философию; это – Татиан, Феофил Антиохийский и Тертуллиан» [14]. По словам А.А. Столярова, Тертуллиан по своему духу «представляет радикальное направление христианства, сводившее культурный диалог к неизбежному минимуму» [8. С. 11]. Сравнивая разных апологетов, В.В. Бычков пишет: «У Иустина и Афинагора Бог выступает художником мира еще почти в стоическом плане. Он упорядочивает и украшает предвечно существующую материю. Только Татиан и Феофил на Востоке, а Тертуллиан на Западе сознательно поднимают вопрос об особом божественном творчестве – “из ничего” [15]. По-видимому, эта приверженность креационизму и делала названных писателей особенно враждебными античной культуре.

Здесь, как нам кажется, комментаторы Тертуллиана попадают в определенную смысловую ловушку, ставя привычный для ученых-гуманитариев знак равенства между понятием «наука» и «философия». Безусловно, в исторической ретроспективе такая оценка имеет право на существование, но с определенными оговорками. Как историки естествознания, мы понимаем, что, рассуждая о событиях I–III вв., мы говорим о так называемой «протонауке» и «донаучном периоде». В рамках такой методологии «наука» применительно к III в. подразумевает «философию», но «философия» далеко не всегда означает «наука». Любые попытки накопления научных знаний в античной физике, химии или медицине основывались на той или иной натурфилософской, мировоззренческой платформе. При этом существовали философские школы и направления мысли, не имевшие ничего общего с рациональным типом познания природы. Это хорошо иллюстрирует факт борьбы Галена с эпикурейством, порождавшим тупиковый путь развития в медицине. К этому можно добавить огромное количество философов, ставивших перед собой исключительно задачи в области этики, которые не имели вообще никакого отношения к натурфилософии и к истории науки в современном понимании. Таким образом, нелестные оценки философии и философов со

стороны Тертуллиана совсем не означали антагонизма по отношению к естественным наукам. Приведенные в данной статье цитаты и анализ работ комментаторов трудов Тертуллиана подтверждают это мнение. Однако наиболее остро данная проблема поставлена в одной из самых известных работ Тертуллиана «О душе». О ней речь пойдет во второй части данной статьи.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Draper J.W.* History of the Conflict between Religion and Science. NY, 1875. 327 p.
2. *White A.D.* History of Warfare of Science with Theology. NY, 1896. 378 p.
3. *Балалыкин Д.А.* Зарождение медицины как науки в период до XVII века. М.: Весть, 2013. 256 с.
4. *Ferngren Gary B.* Medicine and Health Care in Early Christianity. JHU Press, 2009. 264 p.
5. *Lawrence I. Conrad, Neve M., Porter R., Wear A., Nutton V.* The Western Medical Tradition: 800 B.C. to A.D. 1800. Cambridge University Press, 1995. 556 p.
6. *Nutton V.* Ancient medicine. – Routledge Taylor & Francis group. London and New York, 2004. 503 p.
7. *Брук Дж. Х.* Наука и религия. Историческая перспектива. Библейско-богословский институт Св. Апостола Андрея. М., 2004. 352 с.
8. *Тертуллиан.* Избранные сочинения: пер. с лат. / общ. ред. и сост. А.А. Столярова. М.: Изд. группа «Прогресс», «Культура», 1994. 448 с.
9. *Тертуллиан.* Апология. М.: ООО «Изд-во АСТ»; СПб.: «Северо-Запад Пресс», 2004. 423 с.
10. *Тертуллиан* Квинт Септимий Флоренс. О душе / пер. с лат., вступ. ст., коммент. и указатель А.Ю. Братухина. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2004. 256 с.
11. *Протоиерей* Иоанн Мейендорф. Введение в святоотеческое богословие [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.odinblago.ru/patrologia/vvedenie_v_svyatootecheskoe_svyobodnyy (дата обращения: 30.09.2013)
12. *Балалыкин Д.А., Шок Н.П.* История медицины как предмет научного исследования // Человеческий капитал. 2013. № 4 (52). С. 130–135.
13. *Бергаль Дж.* Наука в истории общества. М.: Издательство иностранной литературы, 1956. 743 с.
14. *Сагарда Н.И.* Лекции по патрологии I–IV века. М.: Изд. совет Русской православной церкви, 2004. 796 с.
15. *Бычков В.В.* Эстетика Отцов Церкви. М.: Ладомир, 1995. 596 с.